

Vlad Ozer

Курсант ВМА

Учеба
в ВМА им. С. М. Кирова

Vlad Ozer
Курсант ВМА. Учеба
в ВМА им. С. М. Кирова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39286778

ISBN 9785449365743

Аннотация

Содержание книги – учеба в стенах прославленной военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в г. Ленинграде (СПб) в период с 1980 по 1984 гг. За ней следует продолжение: слушатель ВМедА. В период с 1984 по 1986 гг.

Содержание

ПУЛКОВО, ФИНЛЯНДСКИЙ ВОКЗАЛ	7
КРАСНОЕ СЕЛО	12
*лс-личный состав подразделения, части	52
и т. д.	
Пивбар прибор на ст. метро чернышевская	76
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Курсант ВМА
Учеба в ВМА им.
С. М. Кирова

Vlad Ozer

© Vlad Ozer, 2018

ISBN 978-5-4493-6574-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Ленинград- СПб. ВМА

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Цель моего трехлетнего стремления. Фрагмент здания штаба Военно медицинской академии. Старей-

шего военно медицинского заведения России, основанного в 1798 году. На фоне штаба, статуя Гигиены, дочери Эскулапа.

ПУЛКОВО, ФИНЛЯНДСКИЙ ВОКЗАЛ

Перелет из аэропорта Брест до воздушных ворот Ленинграда Пулково занял пару часов, и те я проспал. Видимо, организм сам чувствовал, что впереди у меня бессонные времена. Самолет заходит на посадку. От предупреждения пристегнуть ремни я проснулся, и успел еще мельком увидеть панораму города с высоты птичьего полета.

Масштабы мегаполиса меня впечатлили. А историческая часть города напомнила фильм «Вечера на хуторе близ Диканьки», когда кузнец Вакула заходил точно так же на посадку, восседая на спине черта.

Сам аэропорт удивил своей архитектурой. Пять стеклянных куполов на крыше здания, в виде опрокинутых стаканов, запомнились сразу и навсегда, но мне пока было не до любования аэровокзальной красотой. Время поджимало. Я опаздывал на указанное в вызове время прибытия. И ожидал самых непредсказуемых последствий.

Вышел на вокзальную площадь и плюхнулся в такси.

– К финляндскому вокзалу! -указал я водителю на точку доставки. Аэропорт «Пулково» получил такое название, потому что расположен на пулковских высотах. Глядя из окна «Волги» на поля и перелески вокруг, припоминал я отрывки из прочитанной когда – то книги об обороне Ленинграда.

Ехали быстро, обзор из салона такси не ахти какой, поэтому вплоть до прибытия к месту назначения ничего толком не рассмотрел. Расплатился с таксистом, и первое, что попало на глаза – это памятник Ленину на «броневике». Затем повернулся к фасаду и прочел-«Финляндский вокзал».

Все верно. Говорили, что где – то здесь, недалеко находится и цель моего путешествия, но это позже. Пока что я еще в гражданском костюме. Нужно где – то переодеться в форму. Захожу внутрь относительно просторного помещения. Окидываю глазами обычную вокзальную суету. Упираюсь взглядом в прилавок ближайшей точки питания, и направляюсь к ней, потому что еще маковой росинки во рту со вчерашнего вечера не было.

В руках среднего размера тяжеловатый чемоданчик «Мечта оккупанта». Тяну его к стойке. Заказываю какие-то чебуреки и чай. Перекусил, полегчало. Пожилая женщина за прилавком пару раз окинула меня взглядом, видимо, обратила внимание на мой изможденный вид. Решил я обра-

титься к ней за помощью. Снова подхожу к стойке.

– Извините, пожалуйста, у меня пока что не к кому здесь обратиться за помощью.

Женщина внимательно посмотрела на меня.

– Да, слушаю, чем могу помочь?

– Я военнослужащий. Мне нужно переодеться в форму. Может у вас есть подсобное помещение, где я мог бы более-менее спокойно совершить эту процедуру?

– Да. Проходите. Идите за мной.

Заходим в небольшой чуланчик, заставленный, как и положено, в подобных заведениях, всевозможной тарой, но здесь имеется и небольшой столик.

– А может у вас найдется и утюг? – с надеждой в голосе, спрашиваю я.

– Да, есть.

Смотрю, с полки она достала миниатюрный электроутюжок. Я быстро распаковал содержимое своего «Гроссфатерлянда». Нашлась и марля, и кран с водой рядом. Быстро привел в порядок свою повседневку, переоделся.

Гражданку запихал в чемодан, и уже совершенно другим

человеком явился на глаза хозяйке заведения. Пытался заплатить за услугу, но она наотрез отказалась. Поблагодарил на словах, пообещал еще заглянуть к ней. И потащил свой багаж в камеру хранения.

Первый встречный абориген показал, как пройти к штабу Академии. Улица «Комсомольская» по прямой вывела на этот древний, под куполом, корпус. Подхожу к КПП, спрашиваю у дежурного сержанта, что и как. Он озадачивает меня несведущего, что нужно добираться на полевую базу академии в Красное Село.

«Таку мать», – пробормотал я себе под нос, и потащился в обратную сторону, к тому же вокзалу откуда и пришел. Там был вход в станцию метро. Хорошо хоть погода стояла еще летняя. И даже питерское небо было почти голубым.



Начало нового витка в спирали службы **Владимир Озерянин**

см. ФОТО: Три начальника первых курсов ВВС, ВМФ и пехотный..Наш, начальник первого курса, второго сухопутного факультета, подполковник Е.А.Исаев, по середине.

КРАСНОЕ СЕЛО

В метро до станции «Варшавская», а там электричкой минут тридцать, и вот выхожу на полустанке «Красное село». От него пешком более километра до КПП полевой базы. Наряд по проходной из молодых курсантов. Рассказали и показали на пальцах, где искать начальника первого курса второго факультета. Нахожу небольшой, утопающий в зелени домик под шиферной крышей. Вот и она, нужная дверь. Стучу.

– Да, войдите!

Толкаю от себя дверную ручку... И, оп- па! Мне на плечи совершенно неожиданно ложатся лапы, а в прямо в лицо смотрит псиная морда. Честно говоря, не ожидал, а потому опешил, но не струхнул.

– Джек! Место! – раздалась команда от сидящего слева за столом подполковника. Пес, красивый ирландский сеттер, мгновенно повиновался и занял свою территорию в правом дальнем углу кабинета.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! Прапорщик Озерянин прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы! – на одном духу тараторю я многократно повторенную про себя фразу. Худощавый, невысо-

кого роста подполковник поднялся из-за стола. Подошел ко мне и протянул руку. Поздоровались. А левой рукой я тут же вручил свои документы.

– Вы уж извините меня за собаку. Я сам не ожидал от него такой прыти.

По мимике на его лице я заподозрил, что он одобрял действия своего питомца. По моему это уже был не первый подобный случай в этом кабинете. Таким образом, возможно, он проверял реакцию посетителей. Я, конечно, сделал вид, что верю хозяину кабинета. Ну, а дальше подполковник присел за стол, а я остался стоять почти по стойке смирно.

– Мы вас уже давно ждем, товарищ прапорщик. Вы почему опоздали? -произнес фразу начальник, глядя мне в глаза с явным недовольством в голосе, разглядывая при этом мое предписание и вызов на учебу.

– Разрешите доложить, товарищ полковник!

– Да, докладывайте.

– Вызов мне вручили с большим опозданием. Я за три дня должен был решить массу дел по отъезду в Союз.

Новоиспеченный шеф смотрел мне в глаза с недоверием.

Я продолжил:

– А тут еще жена начала рожать в дороге, в поезде, а закончила в роддоме Бреста.

Вот здесь я уже заметил в его глазах искорки доверия, интереса и сочувствия.

– Что вы говорите? И где же сейчас супруга?

– В Бресте, товарищ полковник.

– Ай-яй-яяй... Так это же сколько вы всего перетерпели в дороге!?! – посочувствовал начальник. – Ладно. Тогда я отпущу вас за женой первого сентября. Думаю, что успеете туда и обратно. Все равно первый день у нас организационно-ознакомительный, ничего существенного. А со второго, уже плановая учеба. А мы за это время придумаем что-то с жильем для вас. Хорошо?

– Так точно. Спасибо, товарищ полковник!

– Тогда сейчас отправляйтесь к дежурному. Он покажет ваше расположение. Да, вы у нас назначены командиром четвертого взвода, второго факультета. Вы знаете, какие у нас есть факультеты?

Тупо смотрю ему в глаза. Ввожу кратко в курс дела.

– Первый командный, – продолжил полковник, – он вас

не касается. Второй сухопутный, наш. Третий ВВС, и четвертый ВМФ. Я думаю вы не будете возражать?

– Никак нет! – четко произношу уставные речевки, автоматически соглашаюсь я, не подавая, как и положено в таких случаях вида, что на самом деле мне далеко не все понятно. А сам тут же подумал:

«Какого на хер еще взвода? Какой командир? Нам ведь никто, нигде и словом не обмолвился, что мы еще кроме учебы будем чем – то там командовать.

Вида не подаю, говорю:

– Разрешите идти?

– Да.

Выхожу за дверь. Голова переполнена массой мгновенно возникших вопросов. Туман перед глазами, несмотря на яркое августовское северное солнце на улице. «Жена, ребенок, учеба, взвод, а значит личный состав!» – все это путалось, сплеталось и расплзлось.

Иду по аллейке. Первого встречного курсанта спрашиваю, где находится расположение четвертого взвода второго факультета. По подсказке выхожу на переднюю линейку. В первом ряду расположены аккуратные дощато-шиферные домики. Иду по бетонной дорожке и ориентируюсь по табличкам

с номерами. Вот и она, с надписью «4 взвод». Заглядываю внутрь.

Два ряда железных панцирных кроватей в два яруса с проходом

посредине. Слева в дальнем нижнем углу кто – то спит, накрывшись матрасом и укутав голову вафельным полотенцем. Полотенце черное от усевшихся на него огромных комаров, которые несмотря на преграду с упоением выполняют свою работу. Сосут свежую кровь из морды курсанта.

Не стал я его будить, а решил перекурить это дело в примеченной позади домиков курилке. Только прикурил сигарету, как вслед за мной зашел и тоже присел с сигаретой в пальцах какой – то прапор с выпученными моргалами и наглой рожей. В руках он держал фуражку с красным околышем. Я же все еще ходил в форме с черными бархатными петлицами и таким же околышем на своей фуражке, ведь энное количество лет прослужил в артиллерии. У «наших» своя гордость.

И к краснопогонной пехоте у нас было какое-то снисходительное (мягко говоря) отношение, хотя нам, медикам, вообще – то говоря, все это было очень условно. Мы в любой момент могли при переводе перекраситься в любой из то-

гдашних армейских цветов и расцветок.

– Чьих будете? – спрашивает он, глядя в упор на меня.

– А тебе какая на хер разница? – не менее нагло отвечаю я.

– Ну, если ты из вновь прибывших на первый курс второго факультета, то мы однокурсники.

– Да. Я назначен на четвертый взвод этого курса.

– А я старшина этого курса, прапорщик Песенко. По совместительству первый помощник и заместитель начальника курса. Так что ты мой подчиненный, и впредь будешь выполнять все мои указания.

– Что? С каких это пор? Еще только прапор мною не командовал! Пшел вон, придурок!

– Да ты как смеешь со мною так разговаривать? Вот я сейчас же доложу об этом нашему начальнику!

– А вот здесь я не сомневаюсь. Для таких, как ты доложить и заложить – святая обязанность.

Прапор, как ошпаренный, выскочил из курилки и помчался по направлению к домику начальника курса.

«Тьфу ты! – со злостью я растоптал свой окурочок. – Ну вот, служба началась, а может уже и закончилась?»

Снова возвратился в свой кубрик и прилег на крайнюю кровать справа. Мысли вместе с комарами тучами одолевали

мою разнесчастную головушку.

«Ну, ни чего, я им просто так не дамся. Не на того нарвались. Еще посмотрим, кто кому будет кланяться.»

В это время в дверь домика заглянула еще какая то мо-
сластая рожа.

– К вам можно? – спросил у меня прапор тоже с черными петлицами на кителе, но уже простыми, суконными.

– Рискни, если не смелый.

Он прошел внутрь, минуту потоптался своим скелетистым туловищем, приглядываясь, где разместить свой мосластый зад. И присел на кровати рядом со мною.

– Володя Якименко, -представился он и подал мне набор костей правой кисти.

– Тезка, – ответил я, пожимая его пятерню.

– Когда и откуда прибыл? – спросил он меня.

– Сегодня. Из Германии.

– И я сегодня. Из Монголии.

– Мдаа, в Монголии я еще не успел побывать. Как там? Есть за что глазом то – хоть зацепиться?

– Да какое там, степь, да пустыня. Тоска зеленая.

Мы разговорились. Обсудили и сравнили службу фельдшера в Европе и Азии, а вскоре пришли к выводу, что в Европе все таки проще, интереснее и легче жить и служить.

– Ты на обед идешь? -спросил он.

– А во сколько?

– Так через пять минут построение на плацу.

– Пошли?

– Пошли.

По широкой аллее идем в сторону плаца, где я еще не был. От передней линейки и до столовой метров двести. Левым флангом плац упирается в нее. На плацу- столпотворение. Несколько сот курсантов разношерстной массы, занимало свои места в строю. Я быстро сориентировался и по красной фуражке вычислил нашего «старшину». Значит и курс это наш.

– Становитесь в первую шеренгу, – со злой рожей проквикал нам Песенко. Впереди уже стояло три прапора. Подошли. Присоединились. Поздоровались с прапорщиками.

– Валера, Игорь, Саша...

– Володя, Володя.

Познакомились.

– К-у-у-у-р-с! Становись! – приступил к исполнению своих обязанностей холуистый прапор Песенко.

– Нааале-во! Правое плечо вперед! В столовую, шагооом, марш!

По кругу коробка в сотню человек затопала сапогами и ботинками по асфальту.

Зал приема пищи, как и тысячи ему подобных, длинный, как пенал, с низким потолком. Питание так себе. Чуть лучше, чем в концлагерях. Судя по многочисленным описаниям в книгах. Перекусили.

– Выходи строиться! – усердствует старшина.

Вышли, построились. Двинулись. По команде: – Куурс! переполненные баландой желудки вяло затопали по плацу.

– Кууурс! С надрывом завопил холуй, но снова не нашел отзыва в ногах элитных рекрутов.

По Уставу все должны были начать отбивать ступни ног с неистовой силой, но, видимо, не на тех нарвался щырый хохол Песенко.

– Правое плечо вперед! – завопил служака. Это означало, что нужно идти на второй круг по плацу. У меня никак не было желания топать, как новобранцу, нарезая круги по прихоти какого – то идиота.

Якименко глянул на меня вопросительным знаком. Я его

понял.

– Пошли, у нас есть свои дела, а не выполнять прихоти жополиза.

И мы покинули строй.

«Священное место» – сказано в УВС СССР*, – о месте в строю.»

И только тут я заметил, что в углу плаца, в начале аллеи-ки, которая ведет к нашим домикам, стоят три холеных подполковника, в том числе и наш начальник курса. Они внимательно следили за всем, что происходило на плацу.

Наш подполковник, розгой как стеклом, щелкал себя по зеркально начищенным сапогам. Нервничал, видимо, наблюдая за нашей борзостью. Рядом, у его ног крутился темно каштановый сеттер. Я глянул на Якименка. Он побледнел.

«Интересно, что нам за это будет?» – подумал я, но храбро продолжаю двигаться навстречу непредсказуемости. Уже переходим на строевой шаг, приложив кисти правых рук к околышам фуражек. Уже занесли носки правых стоп, миная опасность...

– Стоять! – рявкнул наш начальник. Два других его на-

парника тоже вытаращились на нас.

– Вы ппачему ппакинули строй!?! Что, только Песенку нужно воспитывать личный состав!?! А вас, как командиров взводов, это не кассается!?! – вращая белками глаз, возмущенно рывкал наш теперь царь и Бог и воинский начальник в одном лице.

– Никак нет, товарищ полковник! – деляя невозмутимое лицо, отвечал я. Тороплюсь выполнить ваше указание, подстричься. На моей голове все еще возлежала прическа, привезенная с полигонной пылью Ютер-бога.

– Ну, это вы бы еще успели выполнить, - правда, уже чуть мягче произнес разъяренный вершитель наших судеб.

– Ну, а вы? – перевел он свой взгляд на моего напарника. – Вы кто такой? Оказывается, Якименко еще ему даже не представился.

– Прапорщик Якименко, товарищ подполковник!

– А это не тот ли Якименко, которого мы отчислили в прошлом году? – вмешивается в разговор другой, рядом стоящий подполковник и буравит его глазами. Наш начальник тут же реагирует на этот вопрос, прижав уши и напрягшись.

– Так точно, тот самый, – мямлит весь побледневший, мой новоиспеченный друг по несчастью. Подполковники что – то зашущукались между собою. Я слышал только отрыв-

ки фраз. Что он действительно поступал в прошлом году, и за какие – то грехи сразу же был отчислен.

– Ладно. Идите оба в парикмахерскую, по прибытию доложите лично мне.

Я догадался, что прапор Песенко уже успел наябедничать начальнику.

– А я пока подумаю как с вами поступить, -зловеще прохрипел Исаев. Мы взяли под козырек, и на вдруг ставших ватными ногами, побрели выполнять приказание.

– Ну что же мне так не везет? Теперь уж меня окончательно выпрут и больше я не смогу сюда поступить, -мямлил, плетясь вслед за мною по дороге монгольский прапор.

– Да ладно тебе, не сцы. Не так страшен черт, как его малюют, – начал успокаивать я коллегу. – Не может быть, чтобы по таким мелочам сразу же отчисляли.

– Да ты может еще не в курсе... Здесь могут придраться по любому поводу. Ведь за забором этого лагеря бродят десятки тех, кто не добрал пол балла и ждут не дождутся сигнала, чтобы кого – нибудь из нас заменить.

– А вот это уж шиш им, мы еще поборемся, -неуверенно бормочу я ему в ответ.

После приведения своих набалдашников к уставным нор-

мам, снова под дверью кабинета начальника. Стучим, заходим, рапортуем.

– Якименко, вас я определяю пока командиром в третий взвод. Идите, отдыхайте. Я пока очень занят. А там по ходу посмотрим, что к чему, -сухо произнес начальник в нашу сторону и отпустил восвояси. И мы поплелись по своим шиферным вигвамам. Настроения не было никакого.

*УВС СА СССР-уставы внутренней службы...



Взвод

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Шиферные домики для курсантов, на полевой

базе академии, в Красном селе.

До первого сентября оставалось с гулькин нос. Продолжалось, так называемое, сколачивание и сплачивание взводов, отделений- формальных коллективов. Взвод уже существовал до меня, пока я резвился на Ютер-богском полигоне минимум месяц. Пацаны, естественно, давно перезнакомились еще во время вступительной сессии, которая происходила здесь же на академической базе Красного села.

Состав взвода был крайне разношерстным по всем показателям. По социальному статусу и по возрасту. По образованию и национальности. По физическому и умственному развитию. И много еще всяких показателей можно перечислить, которые всплыли в течении шести совместно проведенных лет. А сколько еще осталось утаенных и мне неизвестных. Прапора соседних взводов, естественно, имея время, подобрали себе более-менее адекватных подчиненных. Мне же, с учетом моего отсутствия, достались «сливки». Они сами скучковались так, как им хотелось.

Семьдесят, примерно, процентов составляли вчерашние десятиклассники. Затем шли фельдшера, которые закончили медицинские училища, но еще не были в армии. За ними- фельдшера после срочной службы. И только я, который и с медучилищем, и со срочной, и с контрактной службой

за спиной. По возрасту все десятиклассники были на пять-шесть лет меня моложе.

Взвод в общей массе встретил меня настороженно. Новоиспеченные курсанты уже прекрасно чувствовали себя и без меня. Все у них более – менее устаканилось. Было разложено по полочкам. Они давно и быстро навели справки о том, кто есть кто. Взводом до меня заправлял фельдшер, на год меня моложе, после срочной службы, в звании «старшина».

Репаный хохол из центрального региона Украины, Коля Тригуб. Увалень с корявой мордой и медвежьими повадками, не избавившийся от украинского акцента даже за годы пребывания в армии. Речь у него была такая же замедленная и корявая, как и телодвижения, из-за чего «золотая» молодежь взвода постоянно над ним подтрунивала и хихикала.

В третьем взводе был еще один фельдшер с лычкой вдоль погона, Яремчук. Так как на всем курсе было их двое в старшинских званиях, то они периодически по очереди водили курс или полукурс на различные мероприятия. Разумеется, с разрешения Песенко.

Когда строй вел Тригуб, то в задних рядах периодически творилось безобразие. Вчерашние школьники норовили идти не в ногу, шумели. И тут звучала команда от Мыколы.

– Ну! Вы! Там в заду, разберитесь!

Весь строй взрывался вспышкой смеха, а Тригуб искренне недоумевал, от чего это происходит. И продолжал рулить в том же духе. Можете не сомневаться, что и до конца шестого года обучения он произносил эту же фразу, и с тем же недоумением.

Взвод, двадцать четыре курсанта, как и положено делился на два отделения. Отделениями тоже формально руководили сержанты. Первое отделение возглавлял сержант Тицкий, а второе младший сержант Дидора. Где и как они получили свои звания при прохождении срочной службы я могу только догадываться. Но будь их командиром в армии, прежде чем присвоить им звание ефрейтора, я еще сильно задумался бы. Это были именно то, что называется ни рыба, ни мясо.

Возможно, что в иной ситуации-обстановке, в серой солдатской массе они и проявили бы себя, но не здесь. Здесь были иные лидеры, мажоры. Группка вчерашних школьников, которые с детства привыкли повелевать. Сынки полковников, генералов и министров. Или на худой конец детеныши родителей, усевшихся прочно на очень жирных гражданских должностях.

Нет, они никогда даже не думали о такой перспективе,

как срочная армейская служба. А если и избрали армейскую службу, то только в офицерских погонах. И только на высоких должностях. Но вот незадача, нужно пройти довольно несладкий курсантский период. Вот эта, внешне не отличимая от остальных, кучка «элитных» отпрысков, реально и создавала погоду во взводе, потому что они считали себя неприкасаемыми.

Тригубы, Дидоры, Тицкие и им подобные быстро смирились с таким положением дел. А некоторые старались и заискивать перед ними, и при случае стать на их сторону, потому что они могут все. Один звонок маме-папе, и сам начальник академии может застыть по стойке смирно. Дабы не таить правды для истории, перечислю их фамилии... с маленькой буквы: пролов, димитриев, кибро, жотмир, шведун, зимин...

Нет, надо отдать должное, что не все сынки вели себя вызывающе. Были во взводе и настоящие парни, несмотря на то, что и у них родители были не лыком шиты. И они в перспективе стали и сержантами и реальными лидерами в коллективе. Их перечислю с удовольствием, потому что именно они были опорой в моей работе. Это Сергей Сидоркевич, Юрий Мукоед, Айвар Нагимзянов и Николай Михайлов.

Меня ведь самого – то никто и нигде не готовил на ко-

мандира взвода. Тем более взвода курсанта. Я даже за-
валяющей школы прапорщиков не проходил. Спасибо Дони-
ке, моему бывшему НМС* полка. Во первых, именно у него
я много чему научился, а во вторых, он поставил меня стар-
шиной ПМП*, и там я немного поварился в соку по работе
с личным составом. Иначе было бы совсем не сладко теперь,
в «высокой» должности взводного. Добавлю, что должность
эта была нештатная. А так, что – то типа общественной на-
грузки.

Но шкуру с нас снимал начальник курса и все вышестоя-
щие за все действия-злодейства подчиненных, как со штат-
ных. И нужно признать, что мне и мне подобным, казна ис-
правно продолжала платить денежное содержание, 180 рэ,
и 30 рэ пайковых. Итого 210 в месяц, по советским меркам,
было как раз, чтобы даже пару раз в месяц пива попить. И так
полвзвода я уже назвал пофамильно. Осталась еще полови-
на. Остальные «золотая середина», или если кому угодно-бо-
лото..

Эти глядя на меня, выжидали, чтобы исходя из ситуации
занять мою сторону или примкнуть к агрессивному мень-
шинству. Никитишин, Лесниченко, Бузель, Дьячек, Беля-
ев, Скоробогатько, Цымбалов, Дербекко, Баранов, Малинов-
ский, Лищук- в последствии- Давыдов, Сластиенко. Ста-
рались по возможности вести себя индифферентно, не на-

рываться, но и при случае показывать мажорам, что они не на моей стороне.

Но было трое и таких, как Герасимов, Ясенчук и Секретарев. Эти так прямо из шкуры лезли на рожон, чтобы показать какие они независимые, и что я им и не командир, и вообще никто. Какие-то они были психически ущербные. Как говорят в таких случаях, Богом обиженные. Забегая далеко наперед могу сказать, что до финиша-выпуска они, да и некоторые вышеперечисленные не дотянули.

Должен заметить, что и в других взводах ситуация и расклад, были примерно те же. Но там командиры были назначены или в период абитуры, или прибыли сразу же после нее. И уже успели более-менее подмять строптивых под себя. Никто меня не вводил в курс дела. Я поначалу понятия не имел, что оказывается, каждый взвод готовился для определенного вида, или рода войск.

Оказалось, что еще и отдельные факультеты тоже имеют свою специфику. И так для не изошренного читателя кратко поясню то, что я узнавал только по ходу учебы и в процессе набивания шишек, с течением времени. Меня зачислили на второй — СУХОПУТНЫЙ- факультет. А параллельно были факультеты по подготовке врачей для ВМФ и ВВС. То есть МОРСКОЙ и ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЙ. Оказывается,

мне без моего ведома еще и «повезло» в какой – то мере. Большинство абитуриентов мечтало попасть в АРМИЮ СУХОПУТНУЮ!

Но отбор был строг и бескомпромиссен. Если, конечно, не было т.н. «волосатой» лапы. Все без исключения перед поступлением проходили жесткую медицинскую комиссию. Для определения состояния здоровья. И уже там в медицинских карточках выставляли гриф на пригодность в те или иные войска. А после поступления и зачисления происходило укомплектование курсов по факультетам. Проводилась так называемая, мандатная комиссия.

– Итак, молодой человек, вас, после успешного прохождения вступительной сессии зачислили в ряды курсантов самого лучшего военно-медицинского ВУЗа СССР. По состоянию здоровья вы годны для службы в военно-морском флоте. Куда мы вас и определяем. Вы согласны?

– Так точно!

– Ну вот и хорошо. Следующий!

Или:

– Да вы что? Я не желаю служить на море! Я не хочу туда! Я хочу в сухопутные войска!

– Ах вы не хотите в ВМФ? Ну и ладно. Тогда мы вас от-

числяем из академии. На ваше место есть огромное количество желающих, но не добравших полбалла. Они с удовольствием пойдут служить туда, куда Родина прикажет.

– Ой извините..., а можно я подумаю, или. Я согласен!

Так, или примерно так комплектовались факультеты, куда шли без особой охоты. Я не вникал, оно мне было ни к чему. Но на всех факультетах были свои взвода. И они тоже как – то выделялись особо. А по своему, второму факу*, я только со временем сориентировался. Так вот у нас был взвод №1. В нем готовили врачей для ВДВ. Увы, в десантники набирали примерно также, как и в моряки.

В основном, по принуждению. Во всех остальных взводах официально готовили специалистов для ракетно-артиллерийских и сухопутных войск. Хотя были разнарядки на отдельных личностей и для других силовых структур. Типа КГБ, МВД, ВВ. Соответственно, на каждый взвод был назначен свой командир. И так на первом взводе был тот самый Песенко, но так как он старшина курса, и ему было не до взвода, то реально взводом командовал старший сержант Слободян.

Вторым взводом командовал прапорщик Игорь Егельский. В штате третьего взвода числился прапорщик Алек-

сандр Пермяков. Но!, он исполнял на курсе роль парторга, несмотря на то, что парторганизация была еще очень малочисленной, но на перспективу! А фактически взводом командовал сержант Богдан Цыганчук. Туда же, пятым колесом к телеге был приписан вам уже известный Якименко.

В пятый взвод органически вписался классический прапор Валерий Савчук.

Итак вернемся пока в мой, теперь уже типа родной, четвертый взвод. В ходу оставалась поговорка, девиз: «Конкурс продолжается!». Это, видимо, было взято из абитуриентского времени, да так и сохранилось до конца... жизни последних участников курса. К моему появлению на курсе и во взводе, основные вопросы по поступлению, зачислению и т. п. уже были утрясены. Народ потихоньку начал расслабляться. Без дела конечно никто не сидел.

На базе, как и в любом полевом лагере всегда хватает работы. Это и наряды по курсу, уборка помещений и огромная, всегда засоренная, территория. Это и масса других, складских и прочих помещений. И естественно, расписание занятий. Это и строевая подготовка и упражнения со стрелковым оружием. А спортивные, а политические занятия! В армии всегда есть место для того, чтобы напахаться на голом месте.

Большинство личного состава взвода беспрекословно вы-

полняла все мои распоряжения. И не потому, что я владел какими – то непревзойденными командирскими качествами. Они понимали, что я всего лишь передаточное звено. А выполняют они приказы и распоряжения вышестоящих командиров и начальников. Но тем не менее, пятерка отщепенцев и примкнувшие к ним «отрицалы», старались найти малейший повод, самые узкие щели и лазейки, чтобы, по возможности, проигнорировать мои команды.

И, естественно, за счет своих же товарищей. Пытались держать себя эти щенки спесиво и высокомерно. На мордочках было крупным шрифтом написано: «Не тронь дерьмо, вонять не будет!», и «Заденешь-пожалеешь!».

Первые среди первых: Пролов, Шведун, Димитриев. Им, бедолагам, здесь в лагере впервые в жизни пришлось столкнуться с такими предметами, как швабра, ведро и половая тряпка. Скребок, совок и грабли. Они же держали их в руках, поначалу, как ядовитых змей. Со сморщенными носами, выпученными моргалами, брезгливо и двумя пальцами.

Постоянные опоздания в строй, неряшливый внешний вид, ношение военной формы с нарушениями, пререкания на каждом шагу. Утром, с подъема их было не поднять, вечером не уложить. Попытки отлынивать от работы и перекладывать свою вину на товарищей -это и была их повседневная

жизнь, но все, что происходило на базе, это еще были цветочки. Здесь мы еще не приступали к основным занятиям.

Ягодки меня ожидали впереди. Девять дней в Красном Селе пролетели мигом. Наступило время собираться на зимние квартиры. Ну, лично мне собраться, это ремнем подпоясаться. Да и у подопечных пожитков было, в руках унести. Сдали имущество, какое числилось за взводом, и пехом на ж.д. платформу. Прибыли в расположение, типа казармы, но с немного улучшенными условиями. Казарма, но курсантская. Я подошел к шефу. Он меня понял без слов.

– У вас сутки времени. Туда и назад. За это время подыщем вам какое – то жилье, здесь, на улице Боткинской.

Я ни с кем не прощаясь, предупредил только своего зама, что на сутки отлучаюсь, молча убыл. Снова такси, и в Пулково. Брест, роддом. Выставил медперсоналу традиционное шампанское с конфетами. И вот он заветный кулек-конверт с новорожденной, у меня на руках. Не теряя ни минуты, снова такси, аэропорт. И свой первый полет моя дочь совершила в десятидневном возрасте.

Можно, конечно, было предупредить моих родителей или родителей жены о нашем положении. И нам бы помогли. Тем более, что от Бреста домой совсем не далеко, но я сразу предупредил супругу, что до поры до времени не хочу ста-

вить в известность родственников о наших перемещениях. Я все еще не был уверен в том, что смогу прочно закрепиться в этом учебном заведении.

И вот мы в Пулково. Но на этот раз уже втроем. Находим комнату «Матери и ребенка». Оставляю семью на вокзале. А сам снова мчусь на такси. Теперь уже в штаб факультета, чтобы раздобыть ключи от предполагаемой комнаты. Уточняю у дежурного по факультету, кто у них занимается квартирным вопросом.

– Майор Коклюшин. Вон там, по коридору до конца, последняя дверь налево. Нахожу, стучу, захожу, представляюсь. Маленький кабинетик. Молодой, с претензией на щегольство майор.

– Ах, да, проходите. Я в курсе. Зайдите в кабинет напротив. Там у моей секретарши получите ключ. От тринадцатой комнаты.

Благодарю. И перехожу в кабинет напротив. Молодая женщина занята обычным секретарским делом. Стучит по клавишам печатной машинки. Снова представляюсь. Обращаю внимание на ее лице все в волдырях, но, естественно, причиной не интересуюсь. Она открыв ящик стола, подает мне ключ. И сочувственно произносит:

«Я слышала, что у вас совсем маленький ребенок?»

Я утвердительно киваю.

– Так вот дело в том, что эту комнату для вас сегодня освободила я. И переселилась в такую же, но этажом ниже.

– И что? – интересуюсь я.

– Вы видите мое лицо?

– Да, конечно.

– Так вот это у меня все тело такое. Там огромное количество клопов. Это они меня так искушали. А у вас совсем маленький ребенок. Я бы вам не советовала туда заселяться. Там предварительно необходимо хоть какую -то дезинфекцию произвести.

– Спасибо за предупреждение, -как мог спокойнее ей, ответил, а сам мгновенно вскипел. И выскочил в коридор.

«Так вот какую жилплощадь мне подсобил начальник! Так вот как он обо мне позаботился!»

От усталости в дороге, и избытка прочих эмоций кровь жилах закипела и требовала немедленного выхода наружу. Снова стучу в кабинет Коклюшина, но уже более нагло. Врываюсь в кабинет и уже без политеса, наезжаю на коммунального клерка.

– Так что это вы мне за пенаты, товарищ майор подсуну-

ли?! А!

– А в чем дело, товарищ Озерянин?

– Вы в курсе что у меня десятидневный ребенок?! А вы в курсе, что в той комнате полно клопов?! Вы что же предлагаете мне заселиться в клоповник!? Чтобы я потерял ребенка!?

Майор опешил. Видимо, давно уже не встречался с подобным напором. Да еще со стороны намного младшего по званию. Да еще и бесправного курсанта первого курса.

– Да вы что? Да мы и так с трудом подыскали вам эту комнатку. Это последнее что у нас еще было. У нас полный перегруз. С жильем для семейных огромная проблема. И если бы не маленький ребенок, вы бы вообще еще не скоро что-либо получили в общежитии, -майор с большим сочувствием меня убеждал. Я не поверил, но деваться было некуда.



ул. Боткинская 15
[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Личная, случайная фотография моего общежития.

Мчусь снова в аэропорт и обратно. Подъезжаем на такси туда, где я сам еще ни разу не был. Боткинская №15. Пятиэтажное, серое, обшарпанное веками здание. И вот уже втроем поднимаемся по жутко грязной и древней лестнице

на третий этаж, по указанному адресу. Жена несет ребенка, а я тащу наши пожитки. Открываю дверь на этаж. В носшибает спертый воздух с букетом всевозможных запахов скопления людей.

Это и пережаренный лук и прокисшая капуста. Это и испарения от развешанного по всей длине коридора постельно-нательного белья и смрад общего туалета. Пригибаемся чуть ли не до прогнивших половиц сто лет не красившегося пола, потому что простыни и пододеяльники свисают почти до него. Стены ободраны до кирпича. Полумрак, потому что два окошка в противоположных концах шестидесятиметрового коридора не открывались и не мылись со времен их установки. А это было, как я узнал намного позже, в 1861 году.

Правда, доски пола мокрые и скользкие, как будто их только что кто – то елозил невыкрученной тряпкой. Так и пробираемся, как по джунглям. Я периодически раздвигаю сырое белье и присматриваюсь к тусклым номеркам на дверях. Добираемся до противоположного конца тоннеля. И вот, наконец, я вижу свой «счастливый» №13. Коридор узенький, как щель. Как раз два человека могут разминуться в полоборота.

Напротив двери нашей кельи настезь открытая дверь, как

оказалось, общей кухни. Там около десятка молодых женщин на мгновение прекратили свой пороссячий визг и вытаращились в нашу сторону. Вся кухня была затянута парами от кипящих на газовых плитах кастрюлек и сигаретным дымом. Женщины были кто в чем. В домашних халатах и стоптанных тапочках. В повседневной одежде и летних платьях.

Вдоволь насмотревшись и оценив новых жильцов, они снова, как по команде загалдели и затянулись сигаретами. Я перевел взгляд снова на свою дверь. И тут мой взгляд уперся в очень знакомое лицо мужчины, которого я уже где – то сегодня видел, но так как он был в спортивном костюме, а освещение было крайне скудное, то и не сразу, узнал кто это такой. А он в это время активно изображал влажную уборку пола, работая шваброй.

Чуть ли не нагло подвинув его от двери, вставляю ключ в замочную скважину. Открываю дверь и пропускаю жену. Заходим, захлопываем дверь, и немеет от охватившего нас обоих ужаса. Клетка, 12 метров квадратных. Темно. Со середины потолка свисает патрон без лампочки. Голая железная панцирная кровать, и больше ничего. Садимся на ржавые, скрипучие пружины. У супруги катятся слезы из глаз. У меня волосы встают дыбом.

Со стен свисают ободранные древние обои. Стены сы-

рые, голые, черные. С многочисленными кровавыми пятнами, свидетелями боевых действий с кровожадными насекомыми. Окно временно прикрыто, пожелтевшей, в бурых пятнах, газеткой «Правда». После наших, приспособленных ГэдээРовских хоромов, это показалось какой то – тюремной камерой.

– Куда ты меня привез? – озвучила немой укор моя любимая. А у меня продолжал крутиться в голове вопрос:

«Кто же это был только что там под дверью?»

– погоди дорогая, – говорю жене. – Освоимся, разберемся. Живут же как – то люди и здесь. И тут я вспомнил:

«А ведь мужик, который моет полы в коридоре, это тот самый, который выдавал сегодня мне ключ от хибары. Это же майор Коклюшин! Так вон оно что! Вот почему он так опешил утром.»

Так оказывается здесь проживают не только курсанты. Узнал потом, что в этой общаге жило много моих будущих преподавателей. Так вот ты какая, прославленная военно – медицинская академия наизнанку. Как оказалось,

в последствии, мне, действительно, была оказана великая честь. Жить в этом клоповнике, считалось за счастье. Ведь

можно было еще и долго искать жилье, и платить немалые деньги за него, а здесь плата была смехотворная. Да и весь академический квартал рядом.

Прошу жену утереть слёзы, сопли и сцепить зубы. Решил бежать на курс, просить у завхоза какойнибудь матрас с подушками и одеялом. Простыни и наволочки сообразили с собой привезти. Да, для ребенка в Бресте приобрели шикарную по тем временам коляску, в которой она и спала первое время. Пока моя половина в потемках занималась пеленанием младенца, я уже притащил необходимые постельные принадлежности.

За это время соседки, как оказалось, уже принесли нам вскипяченный чайник, и кое- что перекусить. Мир и здесь не без добрых людей. И даже клопы в первую ночь нас не трогали. Переночевав кое как, бегу к шести утра на подъем. Мне, как командиру, положено не только самому встать как можно раньше, но еще и подопечных разбудить.

– Взвод подъем! – подаю команду.

6.00. Смотрю, а они спят, как убитые. Намаялись, видишь ли, вчера. На экскурсию по корпусам академии ходили! Я за это время намотал самолетами, на такси и ногами тысячи километров. Не спал всю ночь под аккомпанементы дет-

ского плача и в ожидании атаки кровопийц. А они три раза покушав от пуза, прогулявшись по свежему воздуху, не могут, видите ли, головки от матрасов оторвать!

– Взвод подъем! – повторяю в этот раз уже громче. Благо, голос у меня еще тогда был могучий. Загорочались. Кое – кто даже оторвал голову от подушки, и матерясь себе под нос, злобно посмотрел в мою сторону. Типа, какого хр..а тебе не спится, и нам мешаешь.

– Взвод подъем! – я начал переворачивать тумбочки, опрокидывать табуреты, а некоторых стаскивать с кроватей на пол вместе с матрасами. Что тут началось! Скулежь, вопли возмущения, но те, которые нормальные по природе своей, начали подниматься сами, и молча разбежаться, кто в туалет, кто в умывальник. Глядя на них, потянулись и остальные. Кажется, растормошил. В соседних кубриках ту же работу выполняли командиры других взводов.

– Предупреждаю, такой же подъем и отбой я буду производить ежедневно! Я приучу вас к армейскому ритму жизни. Хотите вы того или нет, -громко объявил я своему личному составу и ретировался. Начало занятий в 9.00.

А еще масса не решенных бытовых вопросов в семье. Нужны стол и стулья, шкаф и полки. Посуда и продукты.

Часть всего перечисленного у нас есть, но оно где – то едет к нам в контейнере. И когда еще будет. Снова уговариваю жену не паниковать, а смотреть, в первую очередь, за ребенком. По – возможности приобрести необходимые продукты и ждать меня с занятий.

Сам, на скорую руку перекусив какой – то бутерброд и запив жидким чаем, бегу снова на курс. К своему взводу. Теперь нужно сопровождать л/с* на завтрак в курсантскую столовую. Взводные аутсайдеры типа Дмитриева и Фролова еще даже не успели рыла свои ополоснуть. Взвод вынужден ждать их на улице в строю.

– Взвод становись, равняйся, смирно! Курсантам Пролову и Дмитриеву за опоздание в строй, объявляю замечание. Встать в строй!

– За что? – мямлят они себе под нос.

– За что, я уже объявил вам перед всем взводом. В следующий раз планка наказания будет поднята повыше. И так по нарастающей. Это касается всего личного состава взвода! Всем понятно?

Смотрю, молчат. Повторяю:

– Всем понятно?

– Так точно! – почти все ответили согласием. Наказанные

снова злобно сверкнули своими моргалками, но промолчали.

– Напра-во! – подаю команду. В это время весь курс уже вытянулся в одну колонну. И прапорщик Песенко, нетерпеливо переминающийся, как застоявшийся жеребец, подал команду:

– Кууурс! Смирнааа! Прямо! Шагом! Марш!

Колонна двинулась, а он передал по привычке бразды правления здесь же топтавшемуся старшине Тригубу, который не замешкался и с хода прогугнявил:

– Эй вы, там, в заду, разберитесь!

Те, что сзади, по привычке ухмыльнулись.

По улице Боткинской колонна потянулась по еще неизвестному для меня маршруту, на проспект Карла Маркса. Бывшему Самсониевскому, а в последствии снова в него же и переименованному, но мне еще было не до этих тонкостей. Маршрут пролегал мимо кафедры факультетской терапии, напротив входа в которую стоит памятник тому самому С.П.Боткину в полный рост.

Нужно было следить, как мои подопечные поднимают ногу в строю. Продовольственный объект оказался относитель-

но недалеко. Пока я мотался в Белоруссию, л/с уже питались там, а я еще не видел, что это такое. Столовая размещалась рядом со спортзалом и клубом академии. А напротив через дорогу находилась гостиница «ЛЕНИНГРАД», переименованная теперь в «БАЛТИКУ».

Здание столовой в два этажа и цокольное помещение. На довольствии тогда состояло 1200 человек. Мой утренний бутерброд с чаем проскочил транзитом, куда-то уже в прямую кишку. Глядя на подчиненных которые с аппетитом уплетали свои порции, у меня катилась слюна, но вида старался не подавать. Нам здесь кушать не полагалось. Хотя при желании вполне можно было беспрепятственно перекусить.

Сразу после завтрака весь курс помаршировал в обратную сторону, в аудиторию на кафедру анатомии. Здесь должна была состояться наша первая лекция по нормальной анатомии. Весь день лекционный. Здание кафедры старинное, как и сама академия, учрежденная императором Павлом в 1798 году. Стены здания увешаны мемориальными таблицами всех светил, которые на этой кафедре работали и преподавали.

Древняя аудитория, построенная амфитеатром, дышала стариной и ветхостью. Одновременно с нашим курсом при-

существовал и первый курс от факультета ВВС. Они отличались от нас голубыми погонами и петлицами. Лекцию читал герой Советского Союза, генерал-майор, профессор Ефим Анатольевич Дыскин.

Сначала лектор рассказал нам свою биографию. Героя, оказывается, он получил посмертно за то, что на Волоколамском шоссе на подступах к Москве подбил семь немецких танков, будучи рядовым бойцом ополчения. Там же, где отбивались от наступающего врага знаменитые панфиловцы.

Когда он оклемался в госпитале, в эвакуации аж в Самарканде, коллеги по палате спросили:

«А не ты ли тот Дыскин о котором вот в газете пишут, что он герой Советского Союза?».

По выздоровлению на фронт уже не попал. Закончил при госпитале фельдшерские курсы, а так как госпиталь был от академии, то здесь он и остался на всю жизнь.

Живого героя я видел тогда впервые. Намного позже до меня дошло, что профессор имел еще и «экзотическую» еврейскую национальность. Формой своего черепа напоминал Геббельса, правда, ростом повыше, но мне тогда было не до внешности профессуры. Конкурс продолжался.

А у меня еще куча бытовых и служебных проблем. Из самой лекции я только запомнил то, что анатомия- это краугольный камень в фундаменте медицины. А так как нам фельдшерам уже кое – что в медицине было известно, то ничего страшного анатомия для меня не представляла. Тогда. Позже пришлось понять, что я сильно себя переоценил. Настолько мои фельдшерские знания были мизерны.

После анатомии короткими перебежками переместились в рядом расположенный УЛК. Учебно лабораторный корпус. Двенадцатиэтажное здание, ультрасовременное по тем меркам. И здесь на шестом этаже нас ожидала аудитория на кафедре марксизма-ленинизма. Теперь кое- кому это может показаться дикостью, а тогда это была ведущая кафедра в медицине. Вот он «настоящий краугольный камень».

Что там какая- то анатомия, гистология... физиология. Без марксизма с ленинизмом советская медицина, шагу ступить не могла. По расписанию у нас была лекция по истории КПСС. Аудитория современная, прямоугольная. Никаких тебе ветхозаветных амфитеатров. Лично я ничего чтобы меня зацепило на этой лекции не услышал. Как влетело, так и вылетело.

А в завершении, здесь же на пятом-шестом часу занятий

нам была прочитана лекция по медицинской статистике и основам высшей математики. Оказывается, и такая кафедра здесь существует. Через много лет от одного своего начальника я услышал, что есть на свете три степени лжи. 1) ложь; 2) большая ложь; 3) медицинская статистика. Долгие годы службы, составляя месячные, квартальные и годовые отчеты, я убедился в этом более – чем достаточно.

Могу только добавить, что если все медицинские предметы изучались максимум год-полтора, то на кафедрах марксизма-ленинизма и статистики, все шесть лет, мол, крайне необходимые медикам предметы.

Сопровождаю взвод в составе курса на обед. Отвожу их в расположение. Бегу в библиотеку, чтобы получить более 10 кило учебников, по выданному перечню. И только тогда домой. Жена уже более-менее успокоилась. Показала мне наше место у газовой плиты, наш кухонный столик и полочку для посуды. Она уже успела закупить кухонную и столовую посуду на первое время. И даже приготовила обед. Глотаю, как волк первое, второе, третье и бегу к завхозу курса.

Он пообещал мне на время стол и пару табуреток. Получаю по накладной и тащу все это в свое гнездо. Слава Богу на завтра еще не надо готовиться к занятиям. Завтра тоже лекционный день. Но, начальник курса довел командирам

взводов график нарядов по курсантской столовой, караулов и дежурств по факультету.

Это кошмар! Мой взвод завтра заступает в наряд по столовой. На сутки. Я знаю, что такое работа в столовой, а вот основная масса моих подопечных еще понятия не имеют, что такое «летающие тарелки», и «самоходные швабры». В Красном Селе по столовой нес службу л/с батальона обеспечения.

А теперь надо будет все делать самим. А пока что навожу относительный уют в своей 12-метровой «камере». Поотрывал свисающие обои. Промыл от пыли и паутины трехстворчатое окно. Взятой у завхоза известью, побелил самые кровавые места от погибших вампиров. Нужно бы произвести дезинсекцию, но для этого надо куда – то временно переселиться. А куда? Решили повременить.

Авось эти гады нас трогать не станут. И как ни странно, до самых летних каникул меня и дочь они действительно не трогали, а вот жена периодически ходила с волдырями.

На следующий до заступления в наряд ничего особенного не было. Снова лекции по анатомии, статистике, и в этот раз по химии. После обеда начальник курса организовал фотографирование в составе курса на фоне штаба академии, и повзводно на фоне казармы своего курса.

***лс-личный состав подразделения, части и т. д.**



Наряд по столовой

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: почти все «неформалы» моего взвода.

К восемнадцати часам выдвигаемся в составе взвода к столовой. Наряд нам сдают курсанты четвертого курса морского факультета. Когда мы пришли на объект никого, кро-

ме мичмана, командира ихнего взвода уже не было. И то он задержался только для того, чтобы формально, при мне, расписаться в журнале приема – сдачи, о том что он дежурство сдал, а я принял.

Я пробежался по объекту. После ужина, по идее старый наряд должен был навести порядок и передать нам все объекты в чистоте и порядке. А также по описи передать инструмент. Ничего подобного! Пальцем нигде ничего не было тронуто. Полный бардак. А уборочный инвентарь просто валялся где попало по всей столовой. Объяснение со стороны мичмана было однозначным:

– А нам некогда. И когда вы доживете до четвертого курса, то будете сдавать наряды таким же образом. То есть и здесь, «дедовщину» никто не отменял.

Там, естественно, был и начальник столовой. Жирный такой боров. По фамилии Трищенко. Очень внешне смахивал на Геринга. Он восседал в огромном, шикарном кабинете. Я попытался было тыркнуть к нему за справедливостью, а в ответ услышал, что ночь впереди длинная, успеете убраться.

В зале первого этажа построил взвод. Объяснил ситуацию. Те, что послужили на срочной, попытались возмутиться, что

они так наряд принимать не будут. Еще раз объяснил ситуацию. С кисло – недовольными рожами согласились. Распределил и закрепил за объектами. В основном, по их собственному желанию. Назначил старших по цехам и этажам. Старшие, в основном, сержанты или рядовые, которые уже прошли разные сроки в срочной службе.

Этим разжовывать по мелочам не надо было. Разошлись. Приступили к работе. А объектов было предостаточно. Даже для солдат срочной службы, которым приходилось ходить в подобные наряды через день, и то это была тяжелая работа. Практически три этажа. Два зала для приема пищи. Два варочных цеха. Четыре посудомойки. Все положенные по штату разделочные цеха. И масса других подсобных помещений. Сачковать даже отъявленным пройдохам было проблематично.

Министерско- генеральские сынки и те пытались виду не показывать. Здесь не увильнешь. Свои же друзья не поймут. И если что, сразу же заложат. Мне, в первую очередь, и пожалуются. Работа кипела. Я носился по парадным и черным лестницам, как белка в колесе. Нужно было следить за качеством работы, потому что некоторые, не буду лишним раз упоминать фамилии, конечно же, пытались халтурить.

Худо- бедно к двадцати четырем часам всю столовую при-

вели в божеское состояние. Под руководством старшины Тригуб отпускаю лс наряда в казарму, на ночлег. Со строгим предупреждением, чтобы к шести утра все были на месте. Сам остаюсь коротать ночь в комнате дежурного по столовой. Моя дежурка выходит окном прямо во двор столовой.

Под полом моей комнаты дежурного, косо-наклонный «лифт», для разгрузки продовольствия в холодильные камеры и в разделочные цеха. Весь поварской состав столовой – гражданские лица мужского и женского полу. Еще вечером повара – мужики пытались заговаривать мне зубы, предлагая остограмниться коньячком. Я вежливо отказался, но усек, что нужно на всякий случай держать ухо востро.

Когда личный состав убыл на ночлег, вышел за ворота с целью прогуляться метров двадцать, туда – назад по улице. Я ведь еще практически не был в городе. Погода для Питера в начале сентября того года стояла изумительная. Тепло, под 25 градусов. Фонари достаточно ярко освещали тротуар, я побрел наугад.

Буквально через метров пятьдесят уперся в гранитный парапет. Передо мною была Нева. От раскрывшейся перед глазами перспективы захватило дух. Вода широкой реки с каменными берегами переливалась, как ртуть в ночных огнях большого города. То что я раньше видел иногда по телея-

щикоу, в кино или иллюстрациях, находилось прямо передо мною, в живую.

Чуть левее, по диагонали – Летний сад. От него вправо переливался огнями освещения Эрмитаж, то есть Зимний дворец. Створки Дворцового моста как раз были разведены, и находились в почти вертикальном положении. Между ними проходили корабли. Зрелище завораживало. Больше смахивало на ночной сон. Еще правее в небо упирался сверкающий позолотой шпиль с ангелом на самой верхушке, обрамленный внизу стенами Петропавловской крепости.

А в дали, насколько хватило зрения простирался мегаполис. Так вот ты, какой Ленинград! Вот какую рукотворную сказку создали себе в свое время цари на костях крепостных рабов посреди болота.

Но времени любоваться красотами ночного Санкть-Петербурга у меня не было. Пора из сказки снова окунаться в суровую действительность.

Возвращаюсь. Запираю на замок высокую металлическую браму. Выключаю свет и мощусь на голую кушетку, обтянутую коричневым, потрескавшимся дермантином. У меня оставалось 4—5 часов на сон. Несмотря на отсутствие даже самой захудалой подушки и одеяла, вырубаясь, как всегда,

мгновенно. Сплю, как заяц. Сквозь остатки сна слышу, какое – то шуршание под полом моей «спальни». Приоткрываю веки, в окно уже заглядывают первые лучи от восхода северного солнца.

Стараясь не шуметь подкрадываюсь к окну. Створки дверки того самого лифта открыты, а через них вверх кто – то толкает увесистый пакет. Жду. Вслед за пакетом появляется курчавая голова, а затем и туловище одного из поваров. Того, который накануне предлагал мне побаловаться на ночь коньячком.

«О! Это уже становится интересней», – я затаил дыхание. Смотрю, он выползает во двор, а вслед за собою на шнурке вытягивает добычу. Затем подает руку напарнице, одной из девушек – поваров. Вдвоем они несут трофей к воротам. Ну, тут уже и я тихонько пристраиваюсь к ним сзади.

– Далеко собрались, голубки? – шепотом произношу я, но для них это прозвучало ударом молнии. Застыли. Пакет уронили. Челюсти от неожиданности у обоих отвисли. Наперебой, заикаясь начали что – то лепетать в свое оправдание. Я посмотрел на наручные часы. Было половина пятого утра.

– Так, подняли и за мной!

Парочка беспрекословно выполнила мою команду. Занес-

ли сверток ко мне в дежурку.

– Свободны.

– А..а..а..мы, а..а что с нами?

– А с вами пусть прапорщик Трищенко разбирается. Мне не до вас. Пшли вон, отседова.

На полусогнутых, понутив свои воровские головушки, поварята побрели прочь, проклиная, видимо, тот момент, когда понадеялись, что молодой, неопытный, замотанный службой прапор будет дрыхнуть без задних ног, а они преспокойно оторвут от рта курсантов без малого (как оказалось), восемнадцать килограммов свиной вырезки. Сна у меня уже как не бывало. И как ни странно, я был бодр и готов дальше нести службу. Закрыл на два оборота ключа свою кандейку.

Прошелся по всем этажам и цехам. Повара уже трудились в поте лица. Кое- кто отворачивал рожу, остальные заискивающе заглядывали мне в глаза. Я делал вид, что мне по барабану все и всё. Еще раз прогулялся по двору. В полшестого позвонил на курс и попросил дневального разбудить Тригуба. Личный состав взвода прибыл почти все и почти сразу. За исключением некоторых (тех самых). Они опоздали примерно на полчаса.

Конвеер закрутился по – новой. Курсантские столовые в те времена разительно отличалось от солдатских в том пла-

не, что солдатский стол длинный, на 10 человек. Курсантский – квадратный, на четыре персоны. У солдата ложка и кружка. На столе два бака под первое и второе. Плюс десять плоских алюминиевых тарелок под второе и десять глубоких под первое блюдо. Все.

У курсанта стакан и подстаканник. Тарелки все фарфоровые. Кроме ложки еще вилка и ножик столовый на каждого. Бачки алюминиевые под первое и второе, маленькие, с порциями на соответствующее количество едоков за столом. Плюс подставки под бачки, приборы со специями. Умножьте все это на 1200 едоков. Я к тому это перечисляю и сравниваю, что все это нужно **МЫТЬ**. Три раза в день. И еще масса посуды кухонной. Баки, бачки и кастрюли с кастрюльками. Контейнеры и носилки. И это не все.

Еще 1500 метров квадратных всей площади, разделенной на залы и зальчики, комнаты и цеха. Кладовые и кабинеты. Еще и территории метров триста, которые нужно подметать и мыть три раза на день. А 80% личного состава наряда, снова повторяюсь, не солдаты срочной службы. А, как – бы это помягче выразиться, о- да, личности! По крайней мере, каждый из них так себя мнит.

Для некоторых зазорно брать в руки жирную, грязную половую тряпку, а ведь надо. Для некоторых из них я являюсь

носителем всего этого зла, которое им приходится претерпевать, потому что я принуждаю выполнять всю эту зловонную работу качественно и в срок. Они, видите ли, претерпели столько мук, чтобы протиснуться в это заведение, но они предполагали учиться, учиться и учиться, медицине, как завещал дедушка Ильич.

А тут такое. Оказывается, что прежде еще надо в первую очередь научиться подтирать огромную, и чужую задницу. А мама с папой этого даже ни разу не говорили. А некоторые даже и не подозревали, что эта работа ожидает их чадо. Но не будем грешить. Худо-бедно работают все. Наука не мудрая. Тон задают имеющие опыт. А сынкам остается только быстро перенимать, а отлынивать не получится. Свои же быстро рыло натолкут.

Но тем не менее находятся и в край обнаглевшие. Совершая очередной круг по всем этажам и загашникам, заглядываю в т.н. малую раздевалку. А там, укрывшись какими – то старыми попонами, типа шинелей, на узких скамеечках, составленных параллельно, дрыхнет какое – то тело. И это в самый разгар работы! Время около двенадцати дня. Срываю накидку с похрапывающего индивида, и вижу запухшую ото сна рожу по фамилии Секретарев.

Сей маловыразительный тип вел какое – то серое суще-

ствование. Ни рыба, ни мясо. Не вырывался вперед, и застревал в задних. Он был рядовой, но успел где – то отметить на срочной службе. Невысокого роста, плотный, губастый. Я взбесился. Пнул его ложе ногой так, что он кувыркнулся рылом в кафельную плитку на полу. Будь это какой – то вчерашний десятиклассник, я бы его пальцем бы не тронул. А этот уже считался матерым в службе.

Добавив еще пару матерных наставлений, поворачиваюсь и выхожу из комнаты. И в этот момент оно запрыгивает мне на спину, захватывает мою шею в замок и начинает душить. Я не могу произнести ни звука, успеваю только сложить из пальцев решетку и показать ему через плечо. И тут до него дошло. Хватка ослабела, и он как мешок сполз на пол.

– Ну, жди, ты у меня еще поплачешься, – процедил я ему сквозь зубы. Он схватился и побежал на свой объект.

Продолжаю обход и натываюсь на начальника столовой. И тут этот высокомерный, жирный прапор начал устраивать мне выволочку за то, что где – то там в цокольном помещении, в каком – то углу, мол, полы жирные, и он, дескать, поскользнулся. И чуть было бедолага не ушибся! Ай-ай! Для него это ведь диковинка. Я огрызнулся:

– Еще не успел туда заглянуть. Дам команду, уберут.

И тут Трищенко приглашает меня в свой кабинет. Восседает в своем огромном кресло. И начинает стращать, что если я не успеваю, то он может прямо сейчас выписать мне ускоритель, с помощью которого я уже до вечера вылечу из ВУЗа. Для этого ему только стоит снять трубку прямого телефона на начальника академии. При этом он кивал на рядом расположенный телефонный аппарат. В голове галопом пронесли мысли о столь скором финише в моем здесь пребывании...

И тут я вспомнил, что ведь через стенку, в «моей» комнате дежурного для него протухает жирный подарок, о котором чуть было не забыл.

– Товарищ прапорщик, у меня есть для вас нечто такое, что если я передам его начальнику академии, то и вам не поздоровится.

– Что!? Вы мне угрожаете?

– Никак нет. Пока только намекаю. Идемте, пожалуйста, за мной в дежурку. Покрасневший толстый хохол с трудом вытащил свой задний мост с кресла, а пузо стащил со стола, и поплелся вслед за мною.

Отодвигаю кушетку и показываю ему увесистый пакет. Он раздирает серую упаковочную бумагу и сразу догадывается, что это такое. Это вам от ночной смены поваров. Рожа сразу расплывается в довольной ухмылке. Он больше ничего не го-

ворит и не спрашивает. Даже пожал мне руку. Подзывает через стекло внутреннего панорамного окна кого-то из наряда и с его помощью уносит вещьдок к себе в кабинет.

Много раз за четыре года я еще был дежурным по этой столовой, но никогда больше этот прапор не сказал мне ни слова. Ни в хорошую, ни в плохую сторону. Правда, он доложил моему начальнику курса, что взвод нес службу по столовой без замечаний. И то хорошо.

Прибежал посыльный, дневальный по курсу. Передал, чтобы я по телефону вышел на начальника. Звоню.

– Тов..щъ полковник...!

– Озерянин, вы заглядывали в расписание на сегодня!?

– Никак нет, тов..щъ пол...!

– А вы знаете, что вам положено накануне предупредить всех преподавателей, занятия которых вы пропускаете в наряде!?

– Никак нет...

– А вы сегодня пропустили первое практическое занятие по анатомии. Два часа педагоги ждали вас! И они зря время потеряли, и вы теперь навлекли на себя их недовольство. Вам это понятно!

– Так точно, – потухшим голосом BLEЮ я.

– Вот завтра изыщите время и ползком, на коленях вымаливайте прощения, и договаривайтесь как хотите, когда вы

сможете отработать это занятие.

И на этом бросил трубку.

«Вот и еще нажил проблему на голом месте,» – расстроился я.

Но вот время изматывающего наряда подходит к концу. Вижу по курсантам, что все устали. Двигаются в замедленном темпе. Я сам чувствую слабость в своих неутомимых нижних конечностях. Строю взвод и призываю:

– Остался завершающий рывок. Надо навести порядок к сдаче нашей смены. Иначе с нами поступят с точностью наоборот и заставят сдавать его до отбоя.

Вроде все прониклись. Сменщики, третий курс третьего факультета, вроде, особо не придирались. И мы благополучно убыли в расположение. На отбой в этот вечер я не ходил. Все и сами улеглись вовремя.



Борьба за существование

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Торжественное прохождение нашего курса по какому то поводу. Начальник курса впереди колонны.

На следующий день занятия были еще не сложные. Лекция по химии, практическое по статистике и физподготовка. Все по два часа. Я в промежутках изловчился, забежал на кафедру анатомии. Нашел нашу преподавательницу Глебушко Татьяну Петровну. Извинился, попросил простить

несмышлennyшей. Она пошла нам навстречу. Назначила время на субботу после 18 часов.

На кафедре физподготовки разучивали комплекс гимнастических упражнений. Ничего особенного.

Так и покатились день за днем черные будни. Периодически сталкивался со своими коллегами по абитуриентскому периоду во Франкфурте. Вася Богун и Женя Курса были зачислены на факультет ВВС. При этом Курса парторгом, а Богун, как и я, командиром взвода.

С Богуном, еще начиная с Германии, мы более менее сдружились, а Курса ершился и сторонился. У него, видимо, все время перед глазами стояла та картинка, когда я засек, как он списывал сочинение при поступлении.

Забегал я как-то к ним на минутку в гости. Они вдвоем ютились, примерно, в такой же клетке, как и я. В общаге при их факультете. Вася бывал пару раз у меня. Рассказал продолжение своей сердечной тайны, которая началась у него еще в период службы в ГДР. Он там тоже начинал говорить на эту тему. Но так вкратце, менжуясь.

А здесь он уже поплакался мне в жилетку на полном серьезе. Оказывается, там, за бугром, он сошелся с мадам стар-

ше его лет на семь. Жена офицера, двое детей. Положила глаз на молодого прапора-фельдшера. И вот дело дошло до того, что она едет сюда к нему жить. И он не знает, что ему делать. Я единственное что мог, это посоветовал ему не встречать ее и не привечать.

Но, видимо, зов гормонов был намного сильнее воли разума. Он ее и встретил и приветил. И брак они зарегистрировали. Ну, что же, и не такое еще бывает. У меня своих проблем выше крыши.

Распорядок учебы более менее стабилизировался. Шесть часов занятий до обеда. Из них четыре практических и два лекционных, теоретических, с 9.00 до 15.00. Далее перерыв на обед. И с 16—17 часы организованной самоподготовки. Если у кого появились хвосты, то еще и, естественно, отработка в личное время. По договоренности с преподавателем. Или в назначенное на кафедре время.

Но, кроме того, есть еще такие наряды как «дежурный по факультету». Это чисто для нас, командиров взводов. Сержанты и старшины ходили помощниками, а рядовые дневальными. А еще заступление взвода в караул с оружием. И дежурства личного состава в наряде по курсу. Все эти наряды, включая наряд по столовой, были распределены равномерно для всех. По одному разу в месяц. Итого, набира-

лось три-четыре наряда. То есть минимум три-четыре пропущенных предмета.

Все пропущенные по этой причине, равно и как по болезни и другим причинам занятия, нужно было отработать по договоренности с преподавателями этих предметов во внеурочное время. Так было заведено в этом учебном учреждении. Лозунг такой: «Ни одного часа занятий никем не должно быть пропущено». Абсолютно никто не учитывал нашей командирской нагрузки.

Требования к нашим знаниям были на одном уровне с рядовыми курсантами, которые отвечали только сами за себя. А у нас кроме семьи, еще и 25 человек, постоянно требующих к себе специфического внимания.

Дабы завершить главу, вернусь еще раз к месту моего проживания. На улицу Боткинскую. Итак, на этаже, куда меня угораздило поселиться, проживали курсанты и слушатели всех курсов и всех факультетов. Кроме иностранного. Те жили этажом выше, над нами. О них потом, отдельно.

И мы, сухопутные, в красных погонах, и моряки, и ВВС-ники с голубыми погонами (летчики). А также преподаватели многих кафедр в ожидании квартир. Возвращаюсь поздно вечером, открываю дверь этажа, а там какой-то крик и суета.

– Закрой дверь! – орут, видимо, мне. – Быстрее закрой дверь! Проскальзываю в коридор и закрываю за собой дверь. Наблюдаю такую картину. Почти все жильцы нашего этажа мужского пола, стоят с хоккейными клюшками, палками, швабрами в разных местах на протяжении всего полутемного тоннеля и с криками-воплями, периодически срываясь с места, что-то гоняют. Спрашиваю у ближайшего ко мне субъекта, что, интересно, происходит?

– Крыс гоняем, – отвечает он мне.

– И много их здесь?

– Навалом. Они нас уже достали.

Во как! Оказывается клопы и тараканы, это еще не все. И это в центре «культурной столицы» СССР, городе – герое Ленинграде! И это в общежитии медицинского заведения с мировой славой. И это при наличии своих кафедр эпидемиологии, гигиены и бактериологии. И некоторые из этих педагогов тоже здесь проживают. А начальник академии, генерал-полковник! Академик АМН*. Делегат пяти съездов КПСС подряд! Двадцать первый год на этой должности бесменно! У него семь генерал-лейтенантов в замах. В академии 56 кафедр, и на каждой столуется генерал-майор.

Десять тысяч профессорско-преподавательского состава. Вот куда плывут бюджетные деньги из казны, рекой полно-

водной.

Как я уже писал выше, здание общежития пятиэтажное, в форме буквы «Е». Моя квартирка в среднем зубе, на третьем, до конца налево.

Построено в середине девятнадцатого века. С тех пор, по всей видимости, ко всем местам общего пользования не прикасалась рука мастерового человека. Все, что внутри комнаток, каждый жилец лепил-мастерил на свой лад и вкус. А все что общее – ничейное.

На этаже был свой домовый комитет. В нем заседали наиболее активные барышни. Жены жильцов. Они составляли график уборки коридора, кухни, туалета, умывальника и выноса мусора, на очередной месяц. Они следили (подсматривали) за недобросовестными соседями по несчастью. И вовремя направляли их на путь истины.

Всеобщим осуждением. Типа, у-у-у с-у-ука! Тыкая из-за угла пальцами в ейную рожу, если рожа была выше по званию и должности. А если нет, могли устроить и самосуд при всеобщем стечении жильцов.

Крыс был полный дом. Между половицами были огромные щели, которые прогрызли еще давние предки ныне проживавших без прописки и регистрации раттусов*. Столова-

лись они на наших общих кухнях, из мусорных баков, в которых пищевых отходов было предостаточно.

Видимо, в самой славной Альма-матер* понятия о дезинфекции, дезинсекции и дератизации* не существовало. Когда скопление крупных грызунов превышало все допустимые нормы, и особо впечатлительные особи женского полу поднимали на каком-либо объекте этажа пороссячий визг, тогда звучала мужская команда :

– Выходите на хоккей!

И все мужики, вооруженные вышеперечисленными орудиями, выскакивали в коридор, занимая места у заранее распределенных дыр в полу дабы бить врага при попытке скрыться. Начиналась потеха. Со стен с громким шумом падали развешанные на них тазики и детские велосипеды, ящики и всевозможные коробки с имуществом, которое не поместилось в комнатах. Все эти предметы, выставленные вдоль стен, еще больше сужали проход и без того узкого коридора. А эти «квартиранты» пытались под ними прятаться.

Огромные крысы метались по этажу в поисках спасения, как загнанные и затравленные волки. Редко какой из них удавалось спастись от метких ударов охотников. Трофеи собирали в кухонные баки. После очередной тактической победы

объявляли отбой тревоге.

Сегодня как раз была моя очередь с соседом, майором, преподавателем с кафедры статистики, выносить эти баки. И высыпать в контейнеры, которые стояли на повороте к казарме первого курса. Всего в нашей секции было 18 жилых комнат. Туалет на две кабинки. «М» и «Ж». С тоненькой фанерной перегородкой, и открытым пространством от пола до фанеры в 40 см. Ходила легенда по этажам, что у кого-то здесь гостил в течении суток В. С. Высоцкий.

И после этих гостей у него родились такие строчки:
«Все жили вровень, скромно так – система коридорная:
на 18 комнаток всего одна уборная...»

Вот, когда я прибыл на поселение, майор Коклюшин как раз и отбывал свою очередь по мытью полов. А еще бывали «генеральные» (!) приборки. Тогда на борьбу за гигиену активисты поднимали все население этажа. Каждому нарезался участок, и вперед, на баррикады, со швабрами и половыми тряпками.

Шел где-то уже день десятый моего проживания на славной Боткинской улице. В комнате №13. Готовлюсь к занятиям на завтра. Время 23 часа вечера. Зубрю анатомию. Скулит ребенок. В щели давно разохшейся двери просачивают-

ся кухонные испарения, густо приправленные дымом от сигарет, выкуриваемых дамской половиной коммуналки.

Мы все этим дерьмом дышим, включая трехнедельного младенца. Но все бы это еще ничего, если бы не беспрерывный отборный мат из уст тех же «благородных» дам, вырывающийся из их луженых глоток для связки слов. По громкости минимум на уровне мегафонов. Дверной проем кухни, как назло, без двери, находится как раз напротив дверей моей конуры.

Хоть как-то заниматься в таких условиях совершенно невозможно. Я долго терпел. Выхожу в коридор. Заглядываю на кухню. Пять-семь жирных свиноматок, вволю выславшихся за день, дуреющих от безделья, чешут свои помойные языки, перемывая кости всем жильцам без разбора.

Решительно делаю шаг в дверной проем. Не помню уже, что я там им рывкнул. Они сначала опешили и заткнулись. Через мгновение поднялся невероятный гвалт. Град оскорблений обрушился на мою голову. Я запредельно повысил голос снова. Пообещав в этот раз передушить их, как крыс. Они с воплями начали выскакивать из кухни и разбегаться по своим норам.

Некоторые пытались еще возле дверей своих лежбищ до-

казывать права на свободу слова и дерьмократию. Тогда разверзались проемы их камер, и волосатые лапы супругов, без лишних слов затягивали одуревших благоверных внутрь, захлопывая дверцы. Я прославился на этаже мгновенно, но с тех пор у нас стало намного тише и воздух чище.

Правда, насчет тишины-то не очень... По нашей улице проходили трамвайные пути, которые, видимо, последний раз чинились еще при Сталине. Засыпать и просыпаться приходилось под грохот колес о многочисленные стыки. Весь древний наш барак дребезжал и подпрыгивал при следовании очередного состава. Но ничего, и к этому через год привык. А еще через лет пять проложили новые рельсы, так вообще тишина наступила.

Позже мне потихоньку пришлось поневоле узнать, кто есть кто из этих «девушек». Некоторые из них были, что называется, настоящие «жены моряков», которые не могли дожидаться, когда их благоверные отправятся, как можно дальше и подольше. Эти отбросы, подобранные на питерских тротуарах, еще и пытались делать погоду в микроколлективах.

Надо отдать должное их супругам, ни один из них не заступился за своих «красоток» и никто мне слова не сказал. Видимо, прекрасно зная ху из ху. Притирка состоялась.

В продолжении повествования возможно я еще вкратце пару раз вспомню свой этаж.

*АМН-академия медицинских наук.

*раттус- (лат.) -крыса

*альма-матер- (лат.) alma mater – буквально «кормящая, благодетельная мать» – старинное неформальное название учебных заведений

*дератизация, дезинсекция, дезинфекция – уничтожение -грызунов, насекомых, бактерий.

Пивбар прибор на ст. метро чернышевская

Владимир Озерянин

Видимо, из-за тяжелой учебной нагрузки и напряженной обстановки в службе и бытовых условиях, организм требовал разрядки. Нужно было хоть на часок отвлечься от этой беспрерывной суеты. Да и ностальгия по отдыху в Германии напоминала о себе.

В субботу, на перемене между очередной двухчасовой лекцией, навожу справки. Прапорщик Пермяков – местный старожил, служил срочную и остался прапорщиком в роте охраны при академии, не имея никакого медицинского образования и тяги к медицине, лишь только потому, что волею судьбы оказался в подразделении obsługi. Имея уже кое-какие связи, решил стать офицером.

Как позже я узнал, все вступительные экзамены он формально сдал на тройки и был зачислен. И, как я уже писал выше, числился парторгом курса. Проигнорировав возможную утечку информации в сторону парторганов и на начальника курса, завязываю с ним разговор. Уточняю у него и вы-

ясняю, что можно расслабиться в пивном баре «Прибой».

Он находится относительно недалеко, всего одна остановка от нашей станции метро «Боткинская» до станции «Чернышевская». Освободившись от занятий, прямо в форме, вместе с Якименко, ныряем в нутро ленинградского метро. По указателям быстро ориентируемся в маршруте и минут через десять уже находимся в совершенно незнакомом для нас месте города.

На поверхности уточняем у местного жителя, где находится сие питейное заведение. И еще через пару минут мы уже входим в пропахшее и прокисшее пивом и мочой заведение. Резкий запах мочи шибает в нюх, потому что туалет находится при входе. Это вам не гаштетовские туалеты со специальными пено- и запахогасителями.

Вход в большинство баров был за плату: при входе покупался «билет» – чек за 70 коп., на который приносили кружку/бутылку пива и набор, обычно состоящий из черных сухарей, кусочка брынзы и куска скумбрии. Варианты -сушки/соломка. Потом каждая кружка – за 35 коп.

Проходим в длинный, пеналообразный зал. Находим свободное место в самом конце и приземляемся. Возле стойки «музыкальный гроб» (это автомат, куда кидалось 5 коп. и вы-

биралась грампластинка) с репертуаром В. Высоцкого. И, о чудо! Мы попадаем буквально в родную стихию. Весь зал заполнен своими, родными! Я насчитал примерно человек двести. Все в форме. В званиях от сверхсрочников до полковников. И ни одного гражданского лица.

В зале стоит непрерывный гул. Ну, точь в точь, как на наших полковых совещаниях. После напряженных трудовых будней я с наслаждением окунулся в знакомую обстановку, как будто по волшебству перенесся обратно в родную часть. Заказываем по пиву. Сначала по кружке. На пробу. Половой Алик, достаточно быстро выполняет наш заказ.

И я окунаю свои усы в бокал с какой-то мутно-желтоватой жидкостью. Со временем «ПРИБОЙ»... станет моим самым любимым баром... И хотя он был немного дальше от станции метро, чем «Медведь», но наша компания его любила больше, может быть из-за культового официанта – Алика (кто его встречал, тот меня поймет!).

Пиво разливное, иногда даже чешское (!!!). Алик нам приносил вместо обязательного «набора» полную тарелку соломки (дефицит!), и по блату, копченого леща (1 руб. 50 коп.!). Бокал обычный, наш, поллитровый, толстостенный, с ручкой. Это вам не высокие стаканы тоненького стекла, из которых я привык потягивать пивасик за последние

годы.

О, ужас! Что же это такое? После великолепного немецкого пива, это какая-то отрава, но, примерно, на половину, разбавленная водой из-под крана. Закуриваю. Грызу соломку и жалуясь напарнику, что я не смогу выпить даже бокал этой непонятной жидкости.

– Ну почему же? Нормальное пиво. – отвечает мне собутыльник. Видимо, то, что ему приходилось пить последние годы в Монголии, от этого не отличалось.

Праздник был испорчен. Я еще через силу процедил сквозь зубы половину кружки. Чисто, чтобы утолить жажду. Володя с удовольствием заказал вторую. А я только курил и наслаждался «родной» обстановкой.

Мой напарник поселился тоже в общежитии. Как оказалось, пару сот метров от этого пивного заведения. На Литейном, 26. Позже я у него побывал в гостях. Правда, там здание было солиднее. А проживали учащиеся разных учебных заведений, но условия жизни практически ничем не отличались от тех, что и на Боткинской.

Военных учебных заведений в городе было предостаточно. Прямо на нашей улице Лебедева, через дорогу напротив нашей академии находилась другая академия, но с противо-

положным от медицины уклоном. Артиллерийская. Там учащихся было ничуть не меньше, чем у нас. Вот какая-то часть из них сейчас и сидела в пивном баре, потому и казалось мне, что обстановка здесь напоминает клуб полка.

Кстати, за время учебы я встретил несколько офицеров и прапорщиков из нашего артполка. Кто-то был на учебе, а некоторые уже и служить сюда в гарнизон попали.

Якименко допил свое пиво. Поговорили еще пару минут о том, о сем. Я снова нырнул в метро, а он пешком пошел к себе домой.

Долго, еще до конца второго курса я привыкал (а напарники усиленно меня приучали) к нашему пиву. По чуть-чуть. По четверти, потом по полстакана. И, в конце концов, почти привык и почти забыл вкус настоящего. Видимо, нельзя нашему организму привыкать к качественному продукту. Очень быстро развращает.



Академгородок и его обитатели

Владимир Озерянин

см. ФОТО: Пироговская набережная. Клиники и кафедры
ВМедА.

Настала пора провести для читателя, как в армии выражаются, топографическую привязку к местности. Особенно для тех, кто не успел побывать в городе на Неве, который в разные времена носил различные названия и клички. Типа, Петербург, Санкт-Петербург, Питер, Петроград, Ленинград и снова СПб...

Как я уже говорил выше, весь академический квартал находится практически в историческом центре города. Штаб академии расположен по улице академика Лебедева №6. На стыке Выборгского и Калининского районов. Сама улица берет начало от Литейного моста, к которому, соответствен-

но, примыкает Литейный проспект.

Если пойдем против часовой стрелки, то повернем налево, на Лесной проспект, а с него плавно свернем на Большой Сампсониевский (бывш. Карла Маркса), который при повороте налево переходит в Пироговскую набережную. Она, соответственно, тянется вдоль реки Невы и упирается в Литейный мост и снова в улицу Лебедева.

На этом углу, напротив, находится здание штаба Михайловской Военно-артиллерийской академии. Вот так случилось, что впоследствии мне пришлось встретить многих офицеров сослуживцев по 744 САП. И с некоторыми поддерживал приятельские отношения, пока не закончил учебу. Часто пересекались на Дворцовой площади, где они, как и мы, дважды в год отбивали подошвы сапог в тренировках для торжественных прохождений на октябрьские и майские праздники.

А буквально за артакадемией – знаменитые «Кресты». Тюрьма для особо-одаренных и опасных.

Далеко не все объекты академии размещались строго в очерченных мною рамках. Некоторые, как например, корпус той же кафедры нормальной и патологической анатомии, патологической физиологии и гистологии, а также современный корпус УЛК (учебно-лабораторный корпус), находились

на противоположной стороне улицы Лебедева.

Так называемый, сорок девятый военный городок, корпуса бывшей Военно-морской медицинской академии, вообще находился в другом районе города. И до него нужно было добираться на метро. В нем тоже был размещен целый ряд кафедр и клиник.

Позже, когда стали отрабатывать практические навыки, приходилось работать и в гражданских медицинских учреждениях. В самых разных точках города. Там находились базы академических кафедр. Учреждение выделяло помещения, обычно, под преподавательскую и несколько учебных классов. За это гражданская больница получала реальную консультативную помощь от академических светил и доступ к довольно мощной по тем временам диагностической базе Академии, но базовые кафедры, находились в границах, которые я обозначил выше.

В то же время, казарма первого курса второго факультета была изолирована от основного корпуса факультета. И личный состав курса в течение первого года обучения варился в собственном соку. К нам практически не заглядывали ни начальник факультета, ни его замы. Типа замполитов. Вполне достаточно было начальника курса, и нас, полуполигальных командиров взводов.

Страх ежеминутного отчисления по любому поводу хватало с избытком для того, чтобы даже отъявленные вели себя, как овчарки в строгом ошейнике. Начальником факультета, когда мы приступили к занятиям, был генерал-майор Зозуля Е.В, которого я даже не успел увидеть своими глазами. Умер в очереди за бутербродом среди курсантов в факультетском буфете. Отзывы о нем были самые доброжелательные. Он не позволял себе даже стакан кефира приобрести без очереди. Под стать ему был и заместитель полковник Веретенко А.А, который до нашего перевода на второй курс ушел на пенсию.

Территорию городка пересекали и свои внутренние улицы и переулки. Типа той же Боткинской, Клинической и прочих. Корпуса всех кафедр и клиник были древние, но еще достаточно прочные. Точную цифру обучаемых в то время я не назову, но официальных факультетов было пять. Первый -командный, где учились офицеры, уже прошедшие часть службы в войсках. Здесь готовили будущих руководителей медицинской службы в разных ее эшелонах. Второй, третий и четвертый – лечебные, я уже перечислял ранее. А пятым считался факультет по подготовке иностранных специалистов.

На пятом кто только не учился! Экзотика! Там была представлена почти вся Африка и Азия. Европа и Латинская

Америка. И все они ходили в военной форме с разнообразными цветами и расцветками погон и петлиц! Чем больше звезды на погонах и кокарды на фуражке, тем беднее и карликовее государство, которое они представляли. Основная масса носили свою, национальную форму, но очень многие, из самых бедных, ходили в нашей, советской. Только со своими, размером с блюдце, кокардами. Это были курсанты из самых бедных африканских стран, покорно плетущихся по социалистическому пути развития.

Прикольно (как теперь модно говорить), было зимою смотреть на торчащие из завязанной снизу на шнурки шапки-ушанки, огромные губы, какого-нить дальнего родственника Пушкина, эфиопа. А вокруг этих губ наравне со шнурками, такие же по цвету и длине, сопли. Носили зимой, эти сильно загоревшие парни, что-то типа пальто, из нашего офицерского, шинельного сукна. Погоны зачастую, были пришиты в области лопаток. И никакие патрули на них не реагировали. Как дети, что с них возьмешь!

Стайками, чирикавая на своем птичьем языке, никогда с нами не общаясь, перемещались низкорослые вьетнамцы. Тут же можно было встретить группу стройных, высоких и красивых, видимо, специально отобранных, монголов. Их стройность особо подчеркивали длинные, до самых пят, видимо, кавалерийского покроя, шинели. Сукно наше,

но кройка и шитье по тамошним лекалам.

А вот по противоположной стороне улицы движется группа не менее стройных и симпатичных ребят, в шинелях мышиного цвета. Да это же немцы! Доблестные представители первой немецкой страны, идущей по пути строительства социализма. Все они тоже подобраны строго по росту. Не ниже метр восемьдесят. Европейцы жили в общежитии на Мориса Тореза, где был, как говорили, уровень быта, достойный дипломатов. Лучшие из лучших.

А это кто такие, расхристанные-расстегнутые, в шинельках какого-то цвета пожелтевшей листвы? Присматриваюсь к кокардам, и вижу на них географический силуэт Румынии. А, ну да, эти ведь тоже наши, сателлиты. Хотя и пытаются строить какой-то свой, особый социализм с румынским лицом, видимо. Им под стать такая же группа болгар в форме горчичного цвета.

А вот летом, когда даже в Питере тепло, есть возможность теплолюбивым щегольнуть и вовсе своим национальным оперением. Вот идет по брусчатке вдоль забора штаба академии вообще невиданное в стенах нашего заведения создание. Девушка! В форме!? У нас ведь вообще – то среди обучающихся совершенно нет представителей противоположного пола. Монастырь.

А здесь, что-то невероятное. Сотни пар глаз пялятся на стройную красотку... С каблуками, минимум под сто восемьдесят. С выгнутой тульей, легенькая, прозрачная белая фуражка. Высокая, упругая грудь затянута в форменную сорочку с короткими рукавами и без галстука-удавки! Неслышанная для нас по тем временам борзость в форме одежды для военнослужащих.

Тугая попка обтянута такой же форменной мини-юбкой. И, в довершение ко всему, на плечах сверкают восемью звездами, погоны капитана медицинской службы вооруженных сил Республики Куба! У всех военных и гражданских мужиков, кто на тот момент находился поблизости, нижние челюсти опустились в район пупков, а с углов ртов стекала слюна вожделения.

Шелестел шепот срывающихся с губ фраз:

– Кто такая? Наша?

– Нет. У нас таких смуглянок с губами метиски не бывает...

– Так откуда же она?

– Да вон, смотри, нашивка над карманом на груди... «Республика Куба»...

– Ух ты! Я такую первый раз в жизни вижу...

Красотка, с высоко и гордо поднятой головой, продефилировала через КПП в штаб академии, цокая подковками каблучков.

«Если уже капитан, значит, прибыла просто на какие-то курсы, – сделали мы свое умозаключение. – Для повышения квалификации. Капитаны у нас здесь с нуля не начинают, в отличии от нас, убогих.»

– Эх, хороша, Маша, да не наша, – прозвучала еще фраза со стороны двух идущих впереди нас майоров.

Да, действительно мне «везет». В медучилище группа состояла исключительно из пацанов. Армия, медрота, ни одной женщины. И теперь вот т.н. академия, тоже не за что глазом зацепиться. Есть, правда, изредка, преподы женского пола, но, как минимум, в два раза старше по возрасту. Ах да, зато у меня есть жена - красавица.

Как сказала одна из женщин-поваров в курсантской столовой, лет пятидесяти:

– Ну, что с них взять, мужики ведь так устроены, что не могут все время кушать хлеб, да хлеб. Иногда желают и булку.

Постараюсь продолжить и закончить повествование о друзьях Советского Союза. В период моего там пребывания, из стран, якобы, ориентирующихся на социализм, отсутствовали только китайцы. Страна Мао-цзэ-дуна, видимо, уже тогда по медицине была самодостаточной. Наиболее дружелюбно и приветливо по отношению к нам вели себя арабы. Представители этого народа независимо от страны, которую они представляли, легко и просто вступали в контакт, а в питейных заведениях могли непринужденно провести вечер в нашей компании. При этом довольно сносно общались на русском языке. Курсанты МНР*, вообще чувствовали и вели себя не иначе, как представители одной из республик СССР. Посланцы других государств, в том числе и европейских, и даже «очень братской» Болгарии были почему-то, более замкнутыми и обособленными. Нас сторонились и больше держались своих коллективов.

Проживали они в нескольких общежитиях, разбросанных по всему городу. Однако, довольно большое количество, в первую очередь африканцев, жило непосредственно над моей головой. Я имею в виду, что весь четвертый этаж нашей конуры занимали именно они. И, что такое зажигательные

танцы саванны и Сахары периодически приходилось ощущать до поздней ночи, всеми своими органами осязания.

Как-то вернувшись поздно вечером домой (после того как уложил спать подчиненных) и зайдя в комнату, ощутил препротивный запах. В воздухе висела копоть и сизый дым.

– Что это такое? – спрашиваю у супруги.

– Не знаю, но по-моему это к нам через форточку надуло от соседей с верхнего этажа, – отвечает она, кашляя. Как я уже говорил, окно моей норы было угловое, и иногда воздушные потоки странно конвектировали сверху вниз.

Я быстро закрыл оконное отверстие. И решил подняться наверх, чтобы выяснить источник зловония. Открываю дверь четвертого этажа. И поражаюсь, в первую очередь, чистоте в коридоре. Полы идеально ровные. Никаких крысиных дыр. Нет никакого захламления. Даже что-то наподобие неплохого евроремонта. На двери каждой комнаты висят таблички с гербами стран, из которых прибыли жильцы.

Вот оно что. Оказывается, и наши могут создать человеческие условия для проживания. Когда захотят, правда, не для себя. Но душок, тем не менее, ощущается на весь этаж. Подхожу к двери комнаты, которая расположена над моей. Стучу, выглядывает черномазая морда с белоснежной улыбкой до ушей. В руках у него полотенце и какая-то экзотическая

вилка. Все пространство комнаты заполнено ядовитым дымом. В противоположном углу на электроплитке, что-то жарится и чадит.

– Слюсяю вас, – доброжелательно вступает в разговор повар из племени юмбо-мумбо.

– Привет, я ваш сосед из комнаты, которая под вами. Дым из вашей комнаты ветром задувает ко мне в комнату.

Смотрю, африканец продолжает давить лыбу*...

– Ай, извините пазялусьта... сицья я праветрю и закрою акньо... ми больсе не будем так зярить...

– А что вы готовите? – по ходу интересуюсь я.

– А, это я готовлю очень вкусный блюд, селедка зярю...

– Понятно. Да, и еще я бы хотел попросить вас после десяти вечера не устраивать дискотеку, если это, конечно, возможно. У меня маленький ребенок. Да и заниматься приходится. Понимаете?

– О, да, да... хоросо. Ми постараемся...

Больше проблем не было. И этот этаж я тоже до конца учебы не посещал. Как узнал потом, немного позже, на них трудились целые бригады уборщиц и сантехников. Да и все санитарные мероприятия проводились своевременно и качественно. А вся живность, которая без прописки, надо полагать, переселялась от них к нам.

Поговаривали, что обучение, проживание и питание слушателей 5-го факультета оплачивали их государства, которые побогаче и могли себе это позволить. А за остальных, которых было в три раза больше, платил все тот же Советский Союз. И таких заведений, где все они учились по разным направлениям, в Союзе существовало десятки и сотни. Многие иностранцы, кто изучал русский с нуля, учились семь лет. Первый год учили язык, а потом уже приступали к медицине, продолжая изучать великий и могучий на протяжении всей учебы.

Помню, когда моей дочери пошел уже четвертый, произошла стандартная ситуация возле нашего подъезда. Она, видимо, впервые осознанно обратила внимание на странного по ее понятию дядю.

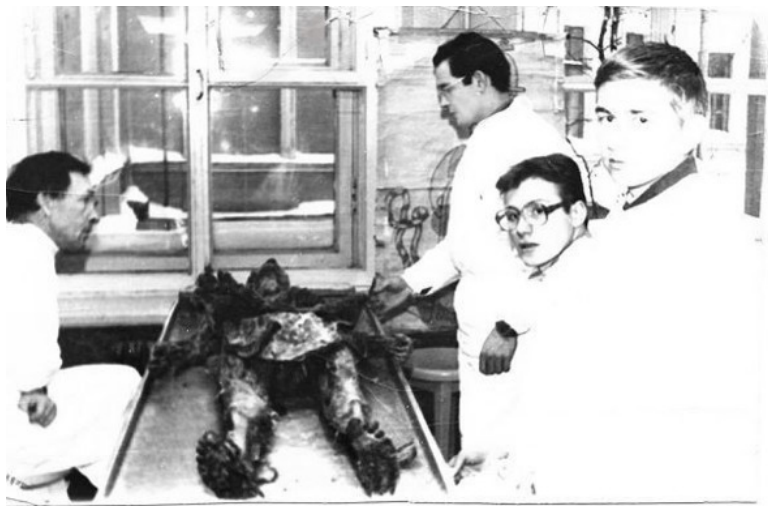
– Ой мам, а почему дядя такой грязный?

И спряталась за спину мамы. Для дяди подобная сценка была не впервой, поэтому он заулыбался, присел на корточки и объяснил, как мог девочке, что он негр, из Африки. Что там все такие... и тому подобное.

Жили мы с ними мирно. Не помню за время моего пребывания в стенах ВМА, какого-либо конфликтного случая.

*лыба (жарг.) -улыбка.

*МНР-монгольская народная республика.



Учеба. Страсти медицинские

Владимир Озерянин

см. ФОТО: На одном из занятий по анатомии человека. На носилках-каталке, учебное пособие, заформалиненный труп.

..предыдущая глава:<http://www.proza.ru/2014/08/16/1669>

А пока, главное мое занятие, не смотря ни на что – учеба, потому что... конкурс продолжается! И так почти ежеднев-

но, четыре часа практических занятий, и два последних – двухчасовая лекция. Итого до обеда шесть часов напряженных занятий. А дальше – на усмотрения всех вышестоящих начальников.

Основные предметы первого курса – анатомия, биология, физика, химия. Второстепенные, но ничуть не менее значимые для того, чтобы удержаться на плаву - история КПСС, иностранный (у меня немецкий язык), латинский язык, уставы, физподготовка. Экзамены в период первой зимней сессии по химии и истории КПСС. Вот на эти предметы и налагаем, в основном.

В ту осень с седьмого сентября уже задули пронзительные балтийские ветры и мгновенно похолодало. Перешли на шинели. На занятия ходим-бегаем-«летаем» в составе взводов или отделений. А зачастую и короткими перебежками поодиночке или группками. Вчерашние десятиклассники на занятиях по химии и физике чувствуют себя, в основном, как рыба в воде.

Нам, кто уже давненько со школьной скамьи, тяжело. Но пыхтим, потеем, не сдаемся. Педагоги сплошь и рядом мнс*ы и доценты с кандидатами. Народ битый и многоопытный, свое дело знающий. Мы для них трын-трава, расходный материал. Физику в моей группе ведет бабушка Гофф-

ман, точнее доцент Гофман. Бабушкой ее прозывают за глаза, потому что похожа она на старого хомячка. Вполне для нас безвредного. Может быть потому, что по ее предмету мы экзамен не сдаем, а только зачет.

А вот практическую химию в моем отделении ведет доцент Крюкова. Старушка примерно того же возраста, что и Гофман, но спуску нам не дающая. Эта злобная старушечка за пять месяцев ее цикла всему отделению и мне лично много крови попортила своими дотошными придирками. Не зря старшекурсники при упоминании о ней, напевали переделанные слова известной тогда песенки: «... у доцента Крюковой, погибает взвод...». Видимо, бабка держалась крепко за свое место из-за приличных бабок, которые здесь получала.

Когда к обучаемым относятся пренебрежительно, то и вспоминать о таком месте нет желания. Приятно было заниматься на кафедре биологии. Начальник кафедры – профессор Щербина. Прекрасные педагоги. Всегда вежливые и тактичные. Кабинеты кафедры богато обставлены всевозможными биологическими экспонатами и находками со всего мира. Есть над чем поразмышлять и пофантазировать.

Глядя, например, на пятиметровый бивень мамонта. Или же на срез из свежемороженых тканей того же жи-

вотного толщиной в 25 сантиметров. Наши доисторические предки неплохо питались. Если, конечно, им удавалось его добыть. Или, вот, например, в изящных коробочках, перевязанные розовыми бантиками – подарок от китайских «друзей». Копии черепов неандертальцев из керамики. Есть над чем подумать. С учетом того, что в тот период СССР с Китаем враждовал.

Цикл НОРМАЛЬНАЯ АНАТОМИЯ.

Первым циклом на кафедре анатомии было изучение костной системы. Для меня этот предмет был достаточно хорошо знаком еще по медучилищу, но, как оказалось, в училище мы проходили его изучение на уровне строения скворечника. А здесь чуть ли не на молекулярном уровне. И беспрерывно все на латыни. В соседних классах занимались группы африканцев из бывших колоний Португалии, Испании, Италии, и прочих латиноязычных стран. Так для них изучение всех этих премудростей было за игрушку. Знание латинских корней слов капитально облегчало им изучение медицинской терминологии. Нам же приходилось зубрить в буквальном смысле слова. В расчете на то, что понимание придет со временем само по себе. Каждый раздел в изучении системы заканчивался т.н. коллоквиумом. Зачетом по разделу.

Самый тяжелый коллоквиум, из всей костной системы – по черепу. В группе уже давно определились лучшие из лучших и худшие по успеваемости. Меня и все отделение удивлял своими способностями вчерашний школьник Айвар Нагимзянов. Способность запоминать целые разделы учебников со знаками препинания, поражала. Правда, как выяснилось, это была т.н. «оперативная» память. Позже, когда эта информация становилась ему ненужной, он ее так же легко стирал.

Нам, бывшим фельдшерам, с одной стороны было и проще, потому что мы уже кое-что знали. С другой, это нам же и мешало в более глубоком усвоении материала. Присутствовала какая-то самоуверенность в том, что старые знания помогут на авось проскочить все зачеты и экзамен. Ничего подобного. Приходилось грызть эту науку чуть ли не в прямом смысле слова.

Кости, их различные наборы, мы таскали в портфелях и дипломатах с собой повсюду. И домой, и на другие занятия. Были различные курьезные случаи. Бывали случаи, когда портфель с черепом или кистью руки курсант открывал по какой-либо необходимости в метро или трамвае...

И такие случаи происходят постоянно, потому что первый-второй курс, существуют всегда.

Но скелет, это скелет. Скелетон*. Он как-то более привычен всем. Еще со школьной скамьи. Он бывает и искусственным, из пластмассы. Отшлифован, тысячами рук, блестит и без запаха. В какой-то степени, за время изучения он становится настолько же привычным, как ручка, учебник, тетрадь в кейсе-дипломате. Но вот прошли и последний костяной коллоквиум. Зачет по черепу. Тоже не простой. Пришлось понапрягаться.

И переходим на изучение мышечной системы. А это значит, что для ее изучения необходимо совсем другое учебное пособие. А именно – труп. Тело бывшего живого, человека. Мы с самого начала пребывания на кафедре обратили внимание на устоявшийся здесь за века гнилостно-формалиновый запах. И пока носились с костями, успели к нему даже привыкаться и адаптироваться, хотя пока только догадывались, откуда он может исходить.

И вот очередное занятие. Наша глубокоуважаемая Татьяна Петровна (КМН) * произносит фразу:

– Для сегодняшнего и последующих занятий нам нужен кадавер*.

Что это такое мы уже знали из занятий по латыни.

– А доставит нам его из подвала, командир группы и ... Сластиенко.

Почему именно на нас пал ее выбор, не знаю. Могу только предположить. И я и Сластиенко, бывшие фельдшера, и психика у нас была уже более подготовлена к некоторым сюжетам в этом учебном подразделении.

Затем она подробно проинструктировала нас, куда и зачем идти. Спускаемся по широкой лестнице в просторный, но полумрачный цокольный этаж. Подвал. Пол и стены выложены плиткой. Пробираемся чуть ли не на ощупь, пока глаза не привыкли к мраку. Метров через тридцать находим нужный нам бассейн. Это такая ванна. Шириною метра три, в длину метров пять. Да глубиною полтора метра. Вся эта емкость накрыта соответствующей по размеру деревянной крышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.